

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.1.318.330>

ЗАХОРОНЕНИЯ У ПОС. ГАНЮШКИНО КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАЛМЫКОВ С XVIII ПО XX ВВ.¹

©2024 г. П.М. Кольцов, К.П. Кольцова, М.С. Касенов

В статье публикуются погребения калмыков XVIII–XX вв., обнаруженные у пос. Ганюшкино Курмангазинского района Атырауской области Республики Казахстан. В контексте анализа материалов отчетливо прослеживаются вариации в ориентировке покойников относительно сторон света: головой на восток при погребении в землю на небольшой глубине; головой на запад или восток при захоронении в гробах. Это свидетельствует о религиозном синкретизме, когда традиционные ритуалы сочетаются с буддийскими и христианскими предписаниями. Приведенные выше данные позволяют проследить трансформацию погребального обряда калмыков от труположения на поверхности земли до грунтового захоронения, в том числе в гробах. Последняя тенденция стала доминирующей с конца XIX в., а затем и единственной формой погребального обряда калмыков в XX–XXI вв.

Ключевые слова: археология, Республика Казахстан, Ганюшкино, бэровский бугор, погребальный обряд, труположение, гробы, синкретизм, медные монеты, междисциплинарный подход, традиционная обрядность.

BURIALS NEARBY GANYUSHKINO AS A SOURCE FOR STUDYING THE TRANSFORMATION PROCESSES OF THE KALMYK BURIAL RITE FROM THE XVIII TO THE XX CENTURIES²

P.M. Koltsov, K.P. Koltsova, M.S. Kasenov

The paper presents information about the Kalmyk burials of the XVIII–XX centuries, revealed near the settlement of Ganyushkino (modern Kurmangazy) in the Kurmangazy District of the Atyrau Region (Republic of Kazakhstan). In the context of the analysis of materials, variations in the orientation of the deceased in relation to the cardinal directions are clearly seen: head to the east when buried in the ground at a shallow depth; head to the west or east when buried in coffins. This is evidence of religious syncretism, when traditional rituals are combined with Buddhist and Christian prescriptions. The above data allow us to trace the transformation of the Kalmyk burial rites from inhumation on the earth surface to underground burial, including in coffins. The latter trend has become dominant since the end of the XIX century, and then the only form of the burial rite of the Kalmyks in the XX–XXI centuries.

Keywords: archaeology, Republic of Kazakhstan, Ganyushkino, Baer knolls, burial rite, inhumation, coffins, syncretism, copper coins, interdisciplinary approach, traditional ritual.

Введение

В последние десятилетия заметно повысился интерес исследователей к проблемам преобразования культурных традиций калмыков в погребально-ритуальной сфере. Попытки составить целостное представление о погребальном обряде калмыков в XVIII–XXI вв., наталкивались прежде всего на

слабую источниковую базу и в отсутствие комплексного подхода к изучению проблемы. Источники по погребальному обряду калмыков представлены в основном этнографическими данными, которые как правило носят описательный характер. Археология, при реконструкции погребального обряда, изучает его вещественную сторону, а также

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10065, <https://rscf.ru/23-28-10065/> «Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках».

² The research was supported by RSF (РНФ) grant No. 23-28-10065, <https://rscf.ru/23-28-10065/> "Modern structure of ethnic, religious and civic identity of the Kalmyks in ritual and commemorative practices".

устанавливает процесс и нормы, по которым он осуществлялся. Однако археологические памятники, содержащие погребальные комплексы калмыков XVIII–XX вв. единичны, поэтому каждый новый источник по указанной выше теме представляет значительный интерес.

В сентябре 2021 г. сотрудниками Атырауского областного историко-краеведческого музея были проведены археологические исследования песчаного холма, расположенного в 6 км к востоку от поселка Ганюшкино, Курмангазинского района Атырауской области Республики Казахстан. Холм, именуемый «бэровским бугром»¹, вытянутый по линии восток-запад, шириной около 300 м и высотой до 30 м., в результате дефляционных процессов подвергся выдуванию, обнажив местами скопления фрагментов древней керамики, развеянные погребения эпохи позднего средневековья, Нового и Новейшего времени. Среди них можно отметить редкий погребальный комплекс в виде полуразрушенной ступы (чортен) из сотен глиняных конусов-шалиров².

В июле 2023 г. экспедиция Атырауского областного историко-краеведческого музея и Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова вновь обследовала выдувы южного склона «бэровского бугра» у пос. Ганюшкино и обнаружила в дюнах сильно разрушенные скелеты человека, два грунтовых погребения³ и два захоронения в деревянных гробах⁴.

Цель статьи: введение в научный оборот погребальных комплексов из могильника Ганюшкино – остатков скелетов человека, совершенных по обряду открытого трупоположения в степи, 2 грунтовых погребений и двух захоронений в гробах. Задачи: установление их культурно-хронологических позиций, религиозно-мифологического аспекта погребального ритуала и других факторов, повлиявших на трансформацию погребального обряда калмыков в XVIII–XX вв.

Касаясь этической стороны изучения погребальных памятников Нового и Новейшего времени, важно отметить, что их исследования археологическими методами проводятся в исключительных случаях. Во-первых, исследованию подвергались впускные погребения, найденные при раскопках древних и средневековых курганов; во-вторых, доследо-

вались развеянные грунтовые захоронения в кочующих дюнах. В указанных выше случаях погребальным памятникам грозило уничтожение в результате антропогенных нагрузок и ветровой эрозии почвы.

История исследования

Историографический анализ этих сведений представлен в ряде работ современных исследователей (Бакаева и др., 1988, с. 98–110; Шараева, 2010, с. 45–50; Кольцов и др., 2011, с. 9–16; Кольцов и др., 2017, с. 115–121), поэтому остановимся на содержательной части основных исторических свидетельств, с целью получения новой информации для заявленной нами темы.

Первые сведения о погребальном обряде калмыков появляются во второй половине XVIII в. в работах: П.С. Палласа (Паллас, 1773); И.Г. Георги (Георги, 1799) и в Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы ... (Собр. соч. ... 1786: 181–189).

В них особое внимание уделено разновидности погребального ритуала калмыков, которая сводится к следующему: «оставлению покойника на поверхности земли, головой на восток, подложу руку под голову» (Паллас, 1773, с. 502); погружению покойника в воду, или зарывание в землю, или сжигание; складывание над могилой покойника груды камней. В отдельных случаях исследователи дают пояснения: в воду опускаются большей частью умершие дети (Кольцов и др., 2017, с. 118); сожжения удостоиваются тела только умерших князей, верховных священнослужителей и почитаемых между ними за святых обоюбого пола» (Георги, 2005, с. 407–408).

В XIX в. исследователи продолжили публиковать этнографические данные о ритуалах в традиционной культуре калмыков: И.И. Лепехин (Лепехин, 1822), Н. Нефедьев (Нефедьев, 1834, с. 210), П.И. Небольсин (Небольсин, 1852, с. 96), И.А. Армстронг (Армстронг, 1860, с. 2), Г. Гомбоев (Гомбоев, 1861, с. 207–219), Г.С. Лыткин (Лыткин, 1861), П. Смирнов (Смирнов, 1880, с. 444), И.А. Житецкий (Житецкий, 1893, с. 199–20), Н. Львовский (Львовский, 1894, с. 1–54), В. Радлов (Радлов, 1894, с. 11), И. Потоцкий (Потоцкий, 1896, с. 303–328), Я.П. Дубров (Дубров, 1898) и др., которые содержали чрезвычайно важные сведения о древних элементах погребальной обрядности, утративших свое значение в более поздние времена.

В начале XX в. выходит статья И.А. Кастанье о погребальных обрядах калмыков и монголов. В ней исследователь, вслед за П.С. Палласом, отмечает многообразие погребального ритуала у монголов ламаитов, который сводится к следующим видам: трупосожжение представителей духовенства и знати с последующей доставкой праха Далай-Ламе в Тибет; зарывание в могилу без сооружения насыпи, т.е. грунтовые погребения (П.К.); оставление на поверхности земли или в естественных углублениях; вывешивание на деревьях; погружение в водоемы; накладывание над трупом более или менее значительной груды камней (Кастанье, 1905, с. 180–186).

Советский этап изучения традиционной культуры калмыков, где в той или иной степени касались погребального обряда, начинается с работ У.Д. Душана (Душан, 1929, с. 79–86; Душан, 1973, с. 31–107), Х.Б. Канукова, Г.С. Лыткина, Д.А. Павлова (Павлов, 1968, с. 23), У.Э. Эрдниева, Э.Б. Гучинова, Э.П. Бакаевой и др.

Исследования Душана У.Д. по этнографии калмыков представляют значительный интерес для ученых калмыковедов, так как демонстрируют ценные свидетельства очевидца на изменения «традиций предков», происходившие за последние столетия.

Большим вкладом в изучении традиционной культуры калмыков стала книга У.Э. Эрдниева «Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки» (Эрдниев, 1970). Впервые в истории советского калмыковедения автору удалось систематизировать ценные сведения о материальной и духовной культуре калмыков предыдущей эпохи, утративших в значительной степени свое первоначальное содержание и значение.

Интересные сведения о погребальных традициях калмыков содержатся в статьях Э.П. Бакаевой и Э.Б. М. Гучиновой, где последовательно рассмотрены этнографические материалы дореволюционного и советского периодов, с привлечением единственного известного на тот момент археологического источника из ойратского монастыря «Семь палат» (Гучинова, 1985, с. 90–97; Бакаева и др., 1988, с. 98–100).

Особую ценность для нашего исследования представляют калмыцкие погребения, впервые обнаруженные на территории Республики Калмыкия: в 2007 г. при раскоп-

ках кургана эпохи бронзы у села Кетченеры Кетченеровского района (Дремов и др., 2010, с. 40–59; Кольцов и др., 2011, с. 9–16); а затем в 2016 г. при обследовании песчаных дюн в 10 км к юго-востоку от пос. Прикумский Черноземельского района республики (Кольцов и др., 2017, с. 115–121).

Археологический материал показал многообразие типов захоронений, которые с одной стороны основаны на традиционном мировоззрении и буддийской практике (Дарбакова, 1976, с. 98; Шараева, 2010, с. 49), а с другой демонстрируют инновации в погребальном обряде калмыков, обусловленные социокультурными изменениями в обществе. Указанная тенденция позволяет проследить трансформации как в погребальном обряде, так и в базовых представлениях о посмертном существовании.

2. Материалы и методы

2.1. Методы исследования. Исследование могильника Ганюшкино проходило в несколько этапов.

1) С целью изучения структуры могильника были использованы методы археологической разведки, которые включали: сбор и анализ литературных, архивных (археологические отчеты) и музейных материалов; географических карт и топографических планов местности; дешифрирование космических снимков региона (участка работ); натурное обследование.

2) В процессе работы над погребальными памятниками, которые оказались в аварийном состоянии, применялись методы спасательных полевых археологических раскопок и лабораторных исследований.

При анализе погребального обряда и находок применялись методы сравнительно-исторического анализа, типологии, сопоставления, описания, поиска аналогий.

Учитывая, что решение указанной выше проблемы выходит за рамки традиционной археологии, предлагаем обратиться к междисциплинарным методам, включающими в себя учет и анализ данных археологии и этнографии, антропологии и религиозно-мифологического аспекта погребального обряда.

Перечисленный выше спектр методов позволяет проследить культурно-хронологическое развитие погребального обряда калмыков и раскрыть его религиозно-мифологическое содержание.

Рис. 1. Вид на деревянный ящике (гроб) с севера.
Fig. 1. View of the wooden box (coffin) from the north.

2.2. Характеристика материалов

Грунтовые погребения. Обнаружены на южном склоне развеянного ветровой эрозией «бэровского бугра» на расстоянии 5,6 метров друг от друга.

Погребение 1. На дне неглубокой могилы, ориентированной по линии восток-запад, лежал скелет взрослого мужчины вытянуто на спине, головой на запад. Костяк человека частично разрушен, *in situ* сохранилась грудная клетка, кости таза и ноги. Левая рука слабо согнута, ее локоть выдвинут в бок, кисть располагалась напротив таза. От правой руки сохранились лучевые кости, которые лежали на крыльях таза. Вероятно, погребенный первоначально был похоронен с разворотом на правый бок, лицом на север, затем с утратой мышечной массы скелет завалился на спину. Череп, плечевые кости правой руки и кисти были разбросаны на расстоянии 1,2–2 м от основного костяка погребенного.

Из одежды сохранились фрагменты ткани, вероятно, остатки верхней мужской одежды, возможно, бешмета.

Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение 2. Располагалось в 5,0 м к северо-востоку от погребения 1. Могильная

яма ориентирована по линии восток–запад, слегка углублена в материк. На дне могилы лежал скелет взрослого мужчины вытянуто на спине, головой на восток. Левая рука лежала вдоль тела. Плечевая кость правой руки и кисть отсутствовали. Судя по сохранившейся лучевой кости, правая рука также лежала вдоль туловища. Левая нога вытянута, правая – слабо подогнута в колене. Пятки не соприкасались.

Погребальный инвентарь.

1. Черенковый нож лежал вдоль левого бока и левой руки. На черенке сохранился тлен от деревянной рукояти. Длина ножа около 21 см.

Захоронение в гробу № 1

Гроб представлял собой деревянный прямоугольный ящик простой конструкции. Размеры: 1,80×0,60 м.; высота 0,30–0,35 м. Доски толщиной 4–5 см. плохой сохранности. Конструкция сколочена железными кованными гвоздями. Размеры гвоздей: длина около 10 см, толщина 1–1,5 см., шляпка четырехугольная 1,5×1,5 см. (рис. 1).

В гробу находился скелет женщины монголоидного расового типа: широкое плоское лицо, выступающие скулы, низкое переносье. Скелет лежал на спине, вытя-

Рис. 2. Захоронение в деревянном ящике (гроб) с севера.

Fig. 2. Burial in a wooden box (coffin) from the north

нуто, головой ориентирован на запад. Руки располагались вдоль туловища, ступни ног сомкнуты. Рост погребенной не превышал 1,50 м.

Вероятно, первоначально покойный был положен на правый бок и лишь позднее завалился на спину. Об этом свидетельствует положение черепа на правом виске и лицевой частью к югу. Другой признак – левая сторона тулова прижата к северной стенке гроба, в то время как в южной половине ящика было просторней (рис. 2).

Погребальный инвентарь.

1. Медные монеты: денга и полушка.

Агрессивная среда, в которой находились медные монеты (денга и полушка) сыграла свою роль – медь подверглась окислению, наблюдаются повреждения торцов и поверхности, а также отсутствие пластичности монетного металла.

Денга (1/2 копейки) представлена 3 монетами: две из них 1731 г., третья 1736 г., чеканены в годы правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.). Монеты выпуска 1731 г. чеканили в Москве на Красном монетном дворе. Монета 1736 г. выпускалась в Москве на Плащильной мельнице и в Екатеринбурге.

Описание монеты денга 1731 г. выпуска. На аверсе изображен герб Российской Империи – двухглавый орел. Изображение орла носят стилизованный характер, в правой лапе он держит скипетр, в левой державу. На головах орла можно разглядеть маленькие короны, а над ними находится большая – имперская корона. По краям монеты заметен шнуровой кант.

На реверсе монеты изображен картуш с виньетками, по обеим сторонам две лавровые ветви, сверху — цветочная розетка. Под картушем — две перекрещенные пальмовые ветви. В картуше надпись в три строки, в которой указан номинал и год выпуска: ДЕНГА 1731 г. Между номиналом и годом выпуска две прямые черты (рис. 3).

Полушка номиналом четверть (1/4) копейки представлена в 2 экземплярах. Монета чеканена в 1735 г. при Анне Иоанновне и 1746 г. при Елизавете Петровне. На аверсе полушки традиционно помещен двуглавый орел Российской империи, который покрывает все пространство монеты. Его изображение практически повторяет орла на денге, но различия все же существуют. Так, на крыльях орла полушки можно разглядеть отдельные прори-

Рис. 4. Монета, аверс. ПОЛУ | ШКА | 1735
Fig. 4. Coin, obverse. ПОЛУ | ШКА | 1735

Рис. 5. Монета, аверс. ОЛУ | ШКА | 1746
Fig. 5. Coin, obverse. ОЛУ | ШКА | 1746

совки перьев. Края монет неровные, поэтому узорчатый бортик вокруг монеты сохранился не везде.

Реверс монет сохранился неравномерно. На обеих монетах, от длительного употребления, стерта левая сторона изделия. На правой стороне сохранилась прорисовка растительного узора, где читается веточка лавра с листочками. По середине реверса идет надпись «Полу шка» и год чеканки – 1735 и 1746 гг. (рис. 4; 5).

Результаты и обсуждение

Погребение 1 грунтовое, совершено в неглубокой могильной яме. Судя по ориентировки скелета человека головой на запад, разворотом на правый бок, лицом на север, монголоидным чертам черепа, а также остаткам одежды – бешмета, погребенный, с большой долей вероятности, был этническим калмыком. Начиная с XVIII в. традиционный мужской костюм калмыков – халат *лавшиг* заменяется на бешмет – *бюшмюд* (Эрдниев, 1985; Кольцов и др., 2017, с. 116).

В качестве аналогий можно привести информацию Мефодия (Львовский Н.В.). Он писал, что покойник укладывается на правый бок, правая рука под головой, левая на бедре. Левая нога немного согнута, правая вытянута.... После этого они (калмыки) выносят покойника на белом войлоке и зарывают в могилу лицом на запад. Хоронят своих братьев без гроба, из-за недостатка леса (Мефодий (Львовский), 1893, с. 119).

Близкое описание можно найти у Р. Ешеева, по его мнению, практикующие буддисты предчувствуя приближение смерти ложатся в позу спящего Будды на правый бок, правую ладонь подлаживают под голову, мизинцем

правой руки закрывают правую ноздрю, а большим пальцем правое ухо. Эта поза помогает душе умирающего правильно покинуть тело. Наилучшим или благим вариантом считается выход души через темя человека (Ешеев, 2005).

Погребение 2 грунтовое, костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на восток. Захоронение калмыцкое, о чем свидетельствуют: восточная ориентировка погребенного, брахицефалическая форма черепа (указывает на принадлежность к монголоидной расе), наличие ножа у левой руки.

Из этнографических источников известно, что калмыцкий мужчина всегда при себе имел нож, который висел у него на поясе с левой стороны. По традиционным представлениям калмыков считается, что жизненная сила мужчин располагается в левой части тела, поэтому мужчины носили серьгу в левом ухе, нож на левой стороне пояса и кольцо на левой руке. Напротив, жизненная сила у женщин располагается в правой части тела. Соответственно и вещи на поясе располагались с правой стороны тела.

Близкое по ритуальным характеристикам погребение было обнаружено при исследовании кургана 1 курганной группы Кетченеры I Кетченеровского района Республики Калмыкия. Погребение было впущено в курган эпохи бронзы и датируется XVIII – первой половиной XIX в. Сходство проявляется в следующем: положение на спине, вытянуто, головой на запад, лицом к северу, рост около 1,50 м., монголоидные черты черепа (Кольцов и др., 2017, с. 115–121).

Погребение в гробу из Ганюшкино можно датировать не позднее 3-й четверти XVIII в.,

на что указывают: использование для проводов покойного в «последний путь» деревянного ящика, скрепленного кованными гвоздями; медные монеты чеканенные с 1731 по 1759 гг.; ориентировка покойного головой на запад.

Хоронить покойников в гробах калмыки стали не позднее середины XVIII в. Причем способ погребения тела часто зависел от социального статуса покойного: представителей привилегированного сословия могли закапывать в землю в гробах. Главное место в похоронной обрядности представителей «цаган яста» (белой кости) исповедующих буддизм занимал лама, который рассчитывал благоприятное время и способ похорон, а также читал молитвы над ним.

На наш взгляд, способ погребения в землю мог быть связан также с постепенным переходом улусного населения к оседлости и с политикой русских властей по христианизации калмыков (Кольцов и др., 2019, с. 20–26).

Косвенным свидетельством датировки погребений в гробах свидетельствуют кованные гвозди (крепившие доски гроба), изготовленные кустарным способом, которые были в ходу с XVIII в. и лишь в конце XIX в. постепенно уступают место проволочным изделиям промышленного производства. Однако, необходимо отметить, что в отдельных районах России кованные гвозди были в ходу вплоть до середины XX в. (Богданов и др., 1992).

Найденные в захоронении (в гробу) монеты в количестве 5 штук связаны, вероятно, с системой древнего счета у калмыков с помощью пальцев рук. Не четные числа 3, 5, 7, 9 у калмыков, как и у других монгольских народов имеют особое сакральное значение. Причем число 5 в калмыцкой культуре определяется особой значимостью в ритуалах и обрядах, и связано с 5 стихиями: культ дерева, земли, огня, воды и железа (Омакаева, 2001, с. 573).

Традиция класть в могилу монеты (или на могилу) могла появиться у калмыков со времени погребения покойных в гробах, а также в результате суеверий: связанных с «откупом земли»; оплатой за благоприятное путешествие в «загробный мир»; что бы покойный ни в чем не нуждался на «том свете» и т.д.

Этнографические наблюдения среди калмыков, проведенные исследователями в XX в. свидетельствуют, что во время проща-

ния с покойником, родственники и соплеменники читали молитвы и клали в гроб серебряные и медные монеты (Бакаева и др., 1988, с. 101).

Таким образом, нахождение в гробах или на могильной насыпи монет разного достоинства не имеет однозначного объяснения, а предложенные нами варианты могут со временем измениться.

Ориентировка погребенного головой на запад и, соответственно, ногами на восток, не выглядит аномальной и можно объяснить влиянием как буддийской, так и христианской (православной) традиций. Буддисты верят, что положение человека головой на запад способствует перерождению его души. Христиане в свою очередь считают, что покойный обращенный головой на запад должен видеть восход солнца (символ возрождения) и ждать прихода Иисуса Христа.

Однако учитывая тот факт, что калмыки, восприняв буддизм, все же предпочитали хоронить покойников головой на восток (под влиянием добуддийских традиций), то в погребении из Ганюшкино с положением человека головой на запад возможно прослеживается влияние христианской традиции.

Из письменных источников известно, что христианизация нерусских народов Поволжья проводилась в последней трети XVII–XVIII вв. с целью формирования устойчивого полиэтнического государства. Процесс христианизации калмыков сопровождался их обоседлением за пределами улусных территорий с целью обезопасить вновь обращенную паству от преследования «язычников» и прежних владельцев (Кольцов и др., 2019, с. 20–26). Тенденция перехода значительной части калмыков к оседлости значительно усилилась в период переселения крестьян на территорию Калмыкии в 1861–1889 гг. (Белосусов, 1992; Амаева, 2014, с. 8–12).

Несмотря на Закон от 1847 г. запрещавший заселять земли, закрепленные за калмыцкими улусами, без разрешения царского правительства, поток незаконных мигрантов не прекращался (Костенков, 1868, с. 84, 87). Тенденция к сокращению кочевий возросла после отмены крепостного права в 1861 г. Безземельные крестьяне с центральных губерний России и Украины получали от правительства значительные участки земель в Поволжье, где обустроивались на «вечные» времена, закла-

дывая свои села и хозяйства (Пальмов, 1927, с. 10–11).

Таким образом, сокращение пастбищных угодий негативно отразилось как на экстенсивной экономике калмыцкого народа, так и на его традиционной обрядности, в том числе погребальной. Эти сведения дополняются материалами Кастанье И.А., полученными в ходе беседы с респондентом – калмыком. Последний сообщил, что по настоянию Русского правительства, почти повсеместно калмыки переходят от древнего погребального обряда – захоронения покойных сородичей путем оставления в степи, к погребению в земле. Даже кремация знатного покойника или священнослужителя проводится редко и требует разрешения властей (Кастанье, 1905, с. 186).

Анализ погребальных комплексов могильника Ганюшкино с привлечением ранее опубликованных материалов по заявленной теме позволяет вновь обратиться к проблеме эволюции погребального обряда калмыков в определенных хронологических и территориальных рамках.

Также представляется возможным проследить вариативность культовых комплексов калмыков под влиянием новых мировоззренческих установок в виде религиозных предписаний буддизма и христианства.

Обратимся к истокам формирования погребальных традиций ойратов-калмыков. На ранних этапах своей истории предки калмыков – ойраты проживали в Центральной Азии, в гористой, покрытой тайгой местности. Этот природный фактор (таежная зона) в значительной степени повлиял на формирование религиозного сознания народа и, прежде всего, на погребальные практики: вывешивание покойников на деревьях или на деревянной платформе, поддерживаемой шестами. Последний способ захоронений называется арангасным.

Следующий этап жизненного цикла ойратов приходится на конец XII в. и связан с миграцией в лесостепную и степную зоны Монголии. Смена природно-климатической среды обитания привела к развитию иного способа производства – кочевого скотоводческого хозяйства и усложнению социальной структуры общества. Новации коснулись также религиозных воззрений и традиций в погребально-поминальной обрядности.

К традиционным способам погребений добавились – открытое трупоположение в степи, положение покойника в неглубокой могильной яме или на дневной поверхности с последующей закладкой камнями и отсыпкой землей, опускание в водоем.

В XIII–XIV вв. завоевательные походы монголов в Малую и Среднюю Азию, Кавказ и в Европу привнесли в кочевническую среду южнорусских степей специфические черты погребального обряда. Средневековые источники (францисканские миссионеры Джованни дель Плано Карпини и Гильом де Рубрук) подробно описывают погребения знатных монголов и практически ничего не сообщают о погребальном обряде рядовых монголоязычных кочевников (Путешествие в восточные страны ... 1957).

С середины XIII в. монголы знакомятся с тибетским буддизмом ламаистского толка, который не отличался строгими канонами в погребальной практике и поэтому сочетал древние языческие практики с буддистским ритуалом (Герасимова, 1992, с. 151).

Начиная с XV в. на огромном пространстве Великой степи исчезает подкурванный обряд захоронения, который господствовал на протяжении 4,5 тыс. лет. С того времени информация о погребальном обряде кочевых народов

Евразии становится крайне скудной. Из немногочисленных письменных источников известно, что кочевники продолжали практиковать архаичные способы погребения (в пяти стихиях), в том числе оставление покойника на поверхности земли.

В конце XVI– первой половине XVII вв. буддизм прочно вошел в жизнь монголов и ойратов, привнес в их погребальный ритуал *обряд кремации*, но при этом добуддийские верования и практики в виде захоронений в «пяти стихиях» не утратили своего значения и продолжали встречаться повсеместно. И это несмотря на принятые в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских феодалов меры по искоренению традиций шаманизма. Одержав верх над шаманизмом как религиозной системой, буддизм все же воспринял популярные в народе добуддийские погребальные практики, которые оставались в ведении распорядителей похорон (священнослужителей-лам) в части определения формы погребения, его места и времени (Позднеев, 1993, с. 463–474).

На первый взгляд данная ситуация выглядит парадоксальной, так как противоречия в религиозных воззрениях буддизма и добуддийских верований (традиции почитания предков или культ предков) по отношению к телу и телесности, действительно значительные.

В буддизме тело является источником привязанностей, порождающих страдания, поэтому кремация верующего-буддиста после завершения жизненного пути символизирует освобождение от телесности, а значит и от страдания. Таким образом, после кремации завершается не только история отдельного человека, но и его конкретные субъективные переживания (Закурдаев, 2019, с. 40).

Культ предков напротив пытается сохранить связь поколений кровных родственников, происходящих от общего предка, т. е. веру в то, что умершие предки покровительствуют своим живым сородичам-потомкам и члены рода или семьи устраивают в их честь умиловительные обряды (Токарев, 1990, с. 255).

В данном случае тело отдельного индивидуума принадлежит уже семейному кругу, становясь одним из звеньев в бесконечной цепи родословной. Семья как социальный феномен выполняет ряд функций, важнейшим из которых является биологическое продолжение рода, социализация, инкультурация и экономическая–производственная (Ганцкая, 1984, с. 17).

Таким образом, человек становится объектом общественной культуры как при жизни, так и после смерти. Поэтому культ предков связан с почитанием умерших родственников, с возможностью потомков осуществлять ритуально-поминальные практики.

Заключение

Анализ погребений и захоронений в гробах могильника Ганюшкино позволяет сделать выводы:

1. Южный склон «бэровского бугра» у пос. Ганюшкино являлся местом захоронения людей, живших на данной территории в разные исторические периоды, о чем свидетельствуют многочисленные остатки человеческих скелетов, грунтовые погребения и захоронения в гробах, полуразрушенные культовые постройки – цаца.

2. В культурных традициях калмыков рассматриваемого периода существовали

различные варианты организации погребальных комплексов. Среди них зафиксированы традиционные формы погребальной обрядности (языческие), в том числе и те, на которые наслоились буддийские и христианские предписания. В первом случае допускалось сохранение основных компонентов традиционной обрядности, с последующим включением в буддийскую сакральную традицию (Ольденбург, 1991).

Во втором, покойника могли отпевать по христианской традиции, а хоронить его с соблюдением традиционных норм погребального ритуала. Подобные явления отражают политику правительства России по христианизации нерусских народов Поволжья в последней трети XVII–XVIII вв. В обоих перечисленных выше случаях мы имеем дело с религиозным синкретизмом, который появился у калмыков на определенном историческом этапе (XVIII–XX вв.), формируя новую реальность в погребально-поминальных традициях.

2. К началу XX в. в Калмыкии остаются только два типа погребений: захоронения в земле и кремация⁵. В период с 1920-х годов и вплоть до конца 40-х годов XX в. в СССР повсеместно закрывались религиозные организации, проводились массовые репрессии против духовенства. В Калмыкии были ликвидированы все хурулы, многие буддистские ламы оказались в эмиграции. В этот же период исчезает обряд кремации, единственным способом захоронения остается погребение в земле. В настоящее время калмыки вновь исповедуют религию предков, буддийский ритуал, как и прежде, становится неотъемлемой частью повседневной жизни.

3. Рассмотренные выше захоронения из могильника Ганюшкино являются полноценными археологическими источниками и в значительной степени расширяют, и уточняют историко-этнографические данные о погребальном обряде калмыков XVIII–XX вв.

4. Использование методов междисциплинарного подхода в изучении погребальных комплексов могильника Ганюшкино позволяет оценить возможности использования погребальной обрядности в качестве этнического признака.

Примечания:

¹ Вытянутые бугры (гряды) в Прикаспийской низменности, названные в честь академика К.М. Бэра, впервые описавшим эти уникальные природные образования.

² По буддийским канонам в ступах хоронили настоятелей монастырей, уважаемых при жизни монахов (лам), достигших высокой степени духовного развития или знатного человека.

³ Погребение – это процесс закапывания покойника в землю или иную среду

⁴ Захоронение – акт помещения покойника в гроб, а затем закапывание в землю.

⁵ В Калмыкии кремации подвергались только буддийские ламы и светская знать.

ЛИТЕРАТУРА

Авлиев В.Н. Некоторые элементы погребальной обрядности у калмыков-номадов // Вестник научных конференций. 2015. № 1–2 (1). С. 8–10.

Авлиев В.Н., Амаева Д.В., Манджиева А.А. Погребальная обрядность калмыков по дневниковым записям Г.С. Лыткина (по материалам Калмыцкой степи Астраханской губернии) // Science Time. 2015. № 12 (24). С. 21–24.

Амаева Д.В. Калмыцкая степь: переход на оседлость и крестьянская колонизация // Science Time. 2014. № 11. С. 8–12.

Бакаева Э.П., Гучинова Э-Б. М. Погребальный обряд у Калмыкова в XVII-XX в. // СЭ. 1988. № 4. С. 98–110.

Белоусов С.С. Переселение крестьян в Калмыкию в XIX в. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 1992. 27 с.

Богданов В.В., Попова С.Н. Истории обыкновенных вещей. М.: Педагогика-Пресс, 1992. 208 с.

Ганицкая О.А. Семья: структура, функции, типы // СЭ. 1984. № 6. С. 16–28.

Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1099 («Личный фонд Лыткина Георгия Степановича, преподавателя истории и географии С-Петербургской шестой гимназии, исследователя быта и языка калмыков Астраханской губернии»). Оп. 1. Д. 3.

Гучинова Э-Б. Трансформация погребального обряда калмыков // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии / Ред. А.Г. Митиров, Л.С. Бурчинова, А.Н. Команджаев, В.Э. Очир-Гаряев. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 90–97.

Дарбакова В.П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 134–138.

Дарбакова В.П. Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии / Отв. ред. В. Дарбакова. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.

Дремов И.И., Кольцов П.М. Раскопки курганов у с. Кетченеры в Республике Калмыкия // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. Вып. 2. С. 40–59.

Душан У.Д. О верованиях калмыков в существование души (Этнографические материалы) // Атеист. 1929. № 42. 79–86.

Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3 / Н.Ш. Ташнинов, А.С. Хартунов Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.

Закурдаев А.А. Культ предков и буддизм в современном Китае: проблема тела и телесности // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 38–61.

Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Красный калмык, 1928. 94 с.

Кастанье И.А. Погребальные обряды у калмыков и ламаитов вообще // Тр. Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 14. Оренбург, 1905. С. 178–187.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Трансформация погребального обряда калмыков во времени и пространстве // Вестник Калмыцкого университета. 2011. № 11. С. 9–16.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков как отражение их мировоззрения // Роль Букеевской Орды в укреплении дружбы, социально-экономических и культурных связей народов (г. Атырау, 12 мая 2011 г.). Атырау: АГУ, 2011. С. 59–65.

Кольцов П.М., Борликов Г.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков в XVII-XX вв. (по данным археологических и письменных источников) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 115–121.

Кольцов П.М., Горяев М.С., Эрдни-Горяев Е.Э. Некоторые вопросы распространения христианства среди калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2 (42) С. 20–26.

Костенков К. И. Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1868. VIII, 175 с.

Мефодий (Львовский, Николай Васильевич) Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской. Казань: типо-лит. ун-та, 1893. 119 с.

Лыткин Г.С. Материалы для истории ойратов. Астрахань, 1861. 82 с.

Омакаева Э.У. Число и цвет в текстах калмыцкой мифоритуальной традиции // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича / Мыслители. Вып. 8 / Отв. ред. М.М. Шахнович. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 573–663.

Павлов Д.А. О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. I. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 23–47.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2. XVIII век. Астрахань: Издание Калмыцкого областного Исполнительного Комитета, 1927. 226 с.

Перечицкая С.Л. Заселение Юга Российской империи в последней четверти XVIII в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 9 (63) С. 66–69.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Шараева Т.И. Похоронно-погребальная обрядность у калмыков: подготовка покойного к захоронению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 45–50.

Эрднеев У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

Информация об авторах:

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); petrkoltsov52@mail.ru

Кольцова Кермен Петровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); carmenring@mail.ru

Касенов Марат Сейтжанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Атырауский областной историко-краеведческий музей, Республика Казахстан (г. Атырау, Республика Казахстан); kasenov.1959@mail.ru

REFERENCES

Avliev, V. N. 2015. In *Vestnik nauchnykh konferentsiy (Bulletin of the Scientific Conferences)* 1 (1–2), 8–10 (in Russian).

Avliev, V. N., Amaeva, D. V., Mandzhieva, A. A. 2015. In *Science Time* 12 (24), 21–24 (in Russian).

Amaeva, D. V. 2014. In *Science Time* (11), 8–12 (in Russian).

Bakaeva, E. P., Guchinova, E.-B. M. 1988. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (4), 98–110 (in Russian).

Belousov, S. S. 1992. *Pereselenie krest'yan v Kalmykiyu v XIX v. (Resettlement of farmers in Kalmykia in the XIX century)*. Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Bogdanov, V. V., Popova, S. N. 1992. *Istorii obyknovennykh veshchey (Stories of ordinary things)*. Moscow: "Pedagogika-Press" Publ. (in Russian).

Gantskaya, O. A. 1984. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (6), 16–28 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (The State Archive of the Astrakhan region). Fund 1099, inv. 1, dossier 3 (in Russian).

Guchinova, E.-B. 1985. In Mitirov, A. G., Burchinova, L.S., Komandzhaev, A. N., Ochir-Garyaev, V. E. (eds.). *Problemy sovremennykh etnicheskikh protsessov v Kalmykii (Issues of modern ethnic processes in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR, 90–97 (in Russian).

Darbakova, V. P. 1976. In *Telegin gerl – Svet v stepi (Teegin Gerl – Light in the Steppe)* 2, 134–138 (in Russian).

Darbakova, V. P. 1977. In Darbakova, V. (ed.). *Lamaizm v Kalmykii (Lamaism in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 92–100 (in Russian).

Dremov, I. I., Koltsov, P. M. 2010. In *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya (Precaspian Vestnik: archaeology, history, ethnology)* 2, 40–59 (in Russian).

Dushan, U. D. 1929. In *Ateist (Atheist)* 42, 79–86 (in Russian).

Dushan, U. D. 1973. In Tashninov, N. Sh., Khartunov, A. S. (eds.). *Etnograficheskie vesti (Ethnographic news)* 3. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 31–107 (in Russian).

Zakurdaev, A. A. 2019. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 4, 38–61 (in Russian).

Kanukov, Kh. B. 1928. *Budda-lamaizm i ego posledstviya (Tibetan Buddhism and its consequences)*. Astrakhan (in Russian).

Kastanie, I. A. 1905. In *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archive Commission)* 14. Orenburg, 178–187 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P. 2011. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)* (11), 9–16 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P. 2011. *Rol' Bukeevskoy Ordy v ukreplenii druzhby, sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazey narodov (g. Atyrau, 12 maya 2011 g.) (The role of the Bukey Horde in strengthening friendship, socio-economic and cultural ties between peoples (Atyrau, May 12, 2011))*. Atyrau: Atyrau State University, 59–65 (in Russian).

Koltsov, P. M., Borlikov, G. M., Koltsova, K. P. 2017. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza (Scientific thought of Caucasus)* 4, 115–121 (in Russian).

Koltsov, P. M., Goryaev, M. S., Erdni-Goryaev, E. E. 2019. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)* 42 (2), 20–26 (in Russian).

Kostenkov, K. I. 1868. *Statisticheskoe-khozyaystvennoe opisanie kalmytskoy stepi Astrakhanskoy gubernii (Statistical and economic description of the Kalmyk steppe in the Astrakhan Governorate)* VIII. Saint Petersburg: "Printing house V. Bezobrazova i K^o" Publ. (in Russian).

Mefodiy (L'vovskiy, Nikolay Vasil'evich) 1893. *Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoy (The Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus of Stavropol Governorate)*. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).

Lytkin, G. S. 1861. *Materialy dlya istorii oyratov (Materials for the history of the Oirats)*. Astrakhan (in Russian).

Omakaeva, E. U. 2001. In Shakhnovich, V. V. (ed.). *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture. Sbornik v chest' 90-letiya professora M.I. Shakhnovicha (The meanings of myth: mythology in history and culture. Collection in honor of the 90th anniversary of professor M.I. Shakhnovich)*. Series: Mysliteli (Thinkers) 8. Saint Petersburg: Saint Petersburg Philosophical Society, 573–663 (in Russian).

Pavlov, D. A. 1968. In *Etnograficheskie vesti (Ethnographic news)* 1. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 23–47 (in Russian).

Pal'mov, N. N. 1927. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Ch. 2. XVIII vek (Etudes on the history of the Volga Kalmyks. Part 2. XVIII century)*. Astrakhan: Kalmyk Regional Executive Committee (in Russian).

Perechitskaya, S. L. 2011. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University)* 63 (9), 66–69 (in Russian).

Tokarev, S. A. 1990. *Rannie formy religii (Early religious beliefs)*. Moscow: "Politizdat" Publ. (in Russian).

Sharaeva, T. I. 2010. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 2, 45–50 (in Russian).

Erdniev, U. E. 1970. *Kalmyki (konets XIX – nachalo XX vv.): istoriko-etnograficheskie ocherki (The Kalmyks (late XIX - early XX cc.): historical and ethnographic sketches)*. Elista: "Kalm. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Shastina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Koltsov Petr M. Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkin St., 11, Elista, 358000, Russian Federation; petrkoltsov52@mail.ru

Koltsova Kermen P. Candidate of Historical Sciences, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkin St., 11, Elista, 358000, Russian Federation; carmenring@mail.ru

Kasenov Marat S. Candidate of Historical Sciences, The Atyrau Regional Historical and Local Museum. B.Momishuly str., 3, Atyrau, 060002, Republic of Kazakhstan; kasenov.1959@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2023 г.
Статья принята к публикации 01.02.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.